

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
Ю.Б. Гиппенрейтер

РОДИТЕЛЯМ:

КАК
БЫТЬ
РЕБЕНКОМ

Юлия Борисовна Гиппенрейтер

Родителям: как быть ребенком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2954935

Родителям: как быть ребенком. Хрестоматия / Ю. Б. Гиппенрейтер:

АСТ, Астрель; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-062395-2, 978-5-271-25355-3

Аннотация

Эта хрестоматия составлена из воспоминаний многих известных людей о своем детстве. Живо написанные тексты раскрывают внутреннюю жизнь детей разных возрастов, характеров и судеб. На ярких примерах взаимоотношений детей и родителей они помогают увидеть, как творческие силы ребенка раскрываются в ходе воспитания и обучения. В книге можно найти также размышления и опыт талантливых ученых-практиков, сделавших своей профессией понимание детей и помощь им.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	8
М. В. Осорина	10
Павел Флоренский	32
«Чудовище»	33
Искра	37
Агата Кристи	42
Мои мама и папа:	43
Сад!	48
Мои Котята и другие...	51
Канарейка и собака	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Юлия Гиппенрейтер

Родителям: как быть ребенком

Всем детям, живущим с нами и внутри нас

Предисловие

Эта книга составлена из живых историй – воспоминаний различных людей о своем детстве, в которых авторам удалось мысленно вернуться в то время, снова глубоко пережить его и проникновенно о нем рассказать. Дети, как правило, не могут открыть нам всю сложность своего внутреннего мира. Им не хватает слов, а иногда и веры в наше понимание. И вот эту труднейшую задачу взволнованно-открытого сообщения о себе за всех детей и от имени всех детей талантливо решают авторы воспоминаний!

Читая эти воспоминания, с удивлением узнаешь, как порой далеки от истины наши представления о том, что значит быть ребенком. Они дают возможность побывать в «коже» ребенка, услышать его внутренний голос, увидеть мир его глазами, узнать о его проблемах и радостях.

Цель этой хрестоматии и состоит в том, чтобы помочь

нам, взрослым, глубже, лучше, сочувственнее понять детей.

Надеюсь, что такое понимание даст возможность читателям совсем иначе взглянуть на общение с собственным ребенком, увидеть свои промахи и, наоборот, удаchi в его воспитании. Тем более что в текстах воспоминаний мы знакомимся также с образцами поведения некоторых родителей и учителей и имеем возможность заимствовать блестящий опыт этих взрослых.

Эта хрестоматия образует единый ряд с первыми двумя моими книгами для родителей: «Общаться с ребенком. Как?» и «Продолжаем общаться с ребенком. Так?». Она продолжает темы этих книг и общий гуманистический подход к воспитанию ребенка.

В упомянутых книгах мне уже приходилось использовать примеры и жизненные истории, в том числе взятые из мемуарной литературы. Но жанр тех книг не позволял приводить большие выдержки из сочинений других авторов, как бы того мне ни хотелось. Тогда и возникла идея хрестоматии. В ней читатель встретится и с уже знакомыми по моим книгам именами и историями, изложенными, однако, в более широком контексте, и с многими новыми известными и менее известными авторами.

Помимо воспоминаний, в книге есть несколько текстов талантливых ученых и педагогов, в которых они делятся своими размышлениями и практическим опытом на ту же тему: как понять ребенка и как сделать его жизнь более счастли-

вой.

Все тексты даются с сокращениями. Они сопровождаются моими комментариями¹. Комментарии писались с целью помочь читателю осознать психологический смысл многих фактов, подробностей и условий детской жизни.

Особую проблему составила структура хрестоматии. Казалось необходимым выделить несколько общих глав, в которых освещались бы значимые моменты жизни ребенка. Эту задачу помогли решить сами авторы воспоминаний. В их рассказах чаще всего звучат такие темы, как особенное детское восприятие мира, мечты и увлечения, родители и семья, учеба и школа. В результате определились четыре главы книги, названия которых отражают эти темы: «Глазами ребенка» (глава 1); «От увлечения к призванию» (глава 2); «Значимый близкий взрослый» (глава 3); «Занятия, учеба, школа» (глава 4).

У некоторых авторов в воспоминаниях больше звучит какая-нибудь одна из упомянутых тем, у других – две и больше. В результате имя одного и того же автора повторяется в разных главах, но случается несколько тем раскрываются в одном и том же рассказе, делая невозможным разбиение его по разным главам.

Хочется поблагодарить всех друзей и коллег, горячо отзывавшихся на самую идею хрестоматии и на мои просьбы рекомендовать известные им интересные воспоминания о дет-

¹ выделено цитатами

стве. Искренняя признательность Марии Петровой за иллюстрации, в которых ей удалось успешно решить нелегкую задачу искусной передачи смысла авторских текстов и учета пожеланий составителя.

Особая благодарность моему мужу, Алексею Николаевичу Рудакову, постоянному сочувствующему собеседнику и первому строгому редактору моих текстов.

Профессор Ю. Б. Гиппенрейтер

Глава 1

Мир глазами ребенка

«Глаза ребенка» – это особое видение мира. Дети удивляются вещам и событиям, мимо которых мы проходим не замечая; завораживаются цветами, звуками и словами, в которых мы не находим ничего особенного. У них другие масштабы, другие ценности, другое понимание того, что важно и неважно.

Многие воспоминания детства приоткрывают удивительное своеобразие и богатство внутреннего мира ребенка. Одновременно они показывают, с какой деликатностью взрослым следует обращаться с этим миром. Ведь ребенок живет в нем по-настоящему, всерьез. Через его призму он воспринимает внешний мир, других людей и самого себя. И если мы не всегда понимаем скрытую жизнь ребенка, то, во всяком случае, можем уважать и оберегать ее вместе с ее заветными «тайнами», фантазиями и мечтами.

Эта глава открывается выдержками из книги *М. Осориной* – талантливого исследователя детства. За ними следуют тексты из воспоминаний *П. Флоренского, А. Кристи, М. Цветаевой и Л. Чуковской*. Хотя название «Мир глазами ребенка» можно отнести ко всей книге, здесь отобраны те эпизоды, которые обнаруживают своеобразие и «непохожесть» мироощущения ребенка на наше, взрослое, восприятие. Будем надеяться, что эти талантливые описания помогут нам вспомнить свое детство и глубже понять наших детей.

М. В. Осорина

Два мира: Этот и Тот²

Мария Владимировна Осорина (род. 6 декабря 1950 г.) – российский психолог, доцент факультета психологии СПбГУ, вице-президент Санкт-Петербургского психологического общества, автор многочисленных оригинальных исследований в области детской субкультуры, детского рисунка и творчества.

Выдержками из ее книги «Секретный мир детей...» мы открываем этот раздел. Материалы книги – результат большого опыта автора – мастера внимательного наблюдения за детьми и сочувствующего общения с ними. Можно видеть, как много узнает «понимающий» взрослый, вступая в доверительный контакт с ребенком.

Для годовалого важно доползти, долезть, дойти до наме-

² Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб: «Питер», 1999, 2004. «Речь» (с сокращениями).

ченной цели. Двух-трехлетний открывает для себя множество вещей, их названия, возможность использования, их доступность и запретность. Между двумя и пятью годами по нарастающей развивается у ребенка способность образно представлять в уме и фантазировать.

Это качественно новое событие в интеллектуальной жизни ребенка, которое революционно преобразует многие стороны его жизни.

Раньше ребенок был пленником той конкретной ситуации, где он находился. На него воздействовало только то, что он непосредственно видел, слышал, ощущал.

Теперь же он обнаруживает, что получил новую способность *удваивать мир*, представляя воображаемые образы на внутреннем психическом экране. Это дает ему возможность одновременно пребывать в мире *внешне видимом (здесь и сейчас)* и в *воображаемом* мире своих фантазий (*там и тогда*), возникающих по поводу реальных событий и вещей. Удивительным свойством детского мироощущения в этот период (как и несколькими годами позже) оказывается то, что большинство значимых предметов, окружающих ребенка в обыденной жизни, представляются в его фантазиях героями множества событий. Вокруг них разыгрываются драматические ситуации, они становятся участниками странных сериалов, изо дня в день создаваемых ребенком.

Мама даже не подозревает, что, рассматривая суп в тарелке, ребенок видит подводный мир с водорослями и затонувшими кораблями, а проделывая ложкой бороздки в каше, представляет, что это ущелья среди гор, по которым пробираются герои его сюжета.

Иногда поутру родители не знают, кто сидит перед ними в образе их родного дитяти: то ли это их дочка Настя, то ли Лисичка, которая аккуратно раскладывает свой пушистый хвост и требует на завтрак только то, что едят лисы. Чтобы

не попасть впросак, бедным взрослым бывает полезно заранее спросить ребенка, с кем они имеют дело сегодня.

Эта новая способность к воображению дает ребенку совершенно новые степени свободы. Она позволяет ему быть чрезвычайно активным и самовластным в удивительном внутреннем мире психики, который начинает у ребенка формироваться. Внутренний психический экран, на котором разворачиваются воображаемые события, в чем-то подобен экрану компьютера. В принципе на нем с легкостью можно вызвать любой образ (было бы умение!), изменить его как хочешь, представить события, которые невозможны в реальности, заставить действие разворачиваться так стремительно, как это не бывает в реальном мире с обычным течением времени. Все эти умения ребенок осваивает постепенно. Но появление такой психической способности имеет огромное значение для его личности. Ведь все эти поразительные возможности, которые ребенок захлеб начинает использовать, дают ощущение собственной силы, дееспособности, хозяйского отношения к воображаемым ситуациям. Это находится в резком контрасте с невысокой до поры до времени способностью ребенка управляться с предметами и событиями реального физического мира, где вещи его мало слушаются.

Кстати, если не развивать контакты ребенка с реальными предметами и людьми, не поощрять его действовать «в миру», он может спастись перед трудностями жизни. В этом сопротивляющемся нам, не всегда подчиняющемся нашим

хотениям, требующем умений мире физической реальности человеку важно иногда подавить соблазн нырнуть и спрятаться в иллюзорный мир фантазий, где все легко получается. Психологически особым классом вещей для ребенка являются игрушки. По самой своей природе они предназначены для того, чтобы воплощать, «опредмечивать» детские фантазии. Вообще, детскому мышлению свойствен *анимизм* – склонность наделять неживые предметы душой, внутренней силой и способностью к самостоятельной потаенной жизни. Именно эту струну детской психики всегда затрагивают самодвижущиеся игрушки: механические курочки, способные клевать, куклы, закрывающие глаза и говорящие «мама», шагающие медвежата и т. п. У зачарованного ребенка (а иногда – и взрослого) такие игрушки всегда находят отклик, поскольку в душе он внутренне знает, что так и должно быть – они живые, но скрывают это. Днем игрушки покорно исполняют волю своих хозяев, но в некоторые особые моменты, в частности ночью, тайное становится явным. Предоставленные самим себе игрушки начинают жить собственной, полной страстей и желаний деятельной жизнью. Эта волнующая тема, связанная с тайнами бытия предметного мира, настолько значима, что стала одним из традиционных мотивов произведений детской литературы. Ночная жизнь игрушек лежит в основе событий «Щелкунчика» Э.-Т.-А. Гофмана, «Черной курицы» А. Погорельского и многих других книг, а из произведений современных авто-

ров – известного «Путешествия Голубой Стрелы» Дж. Родари. Русский художник Александр Бенуа в своей знаменитой «Азбуке» 1904 года выбрал именно эту тему для иллюстрации к букве «И», где изображено напряженно-таинственное оживание ночного сообщества Игрушек.

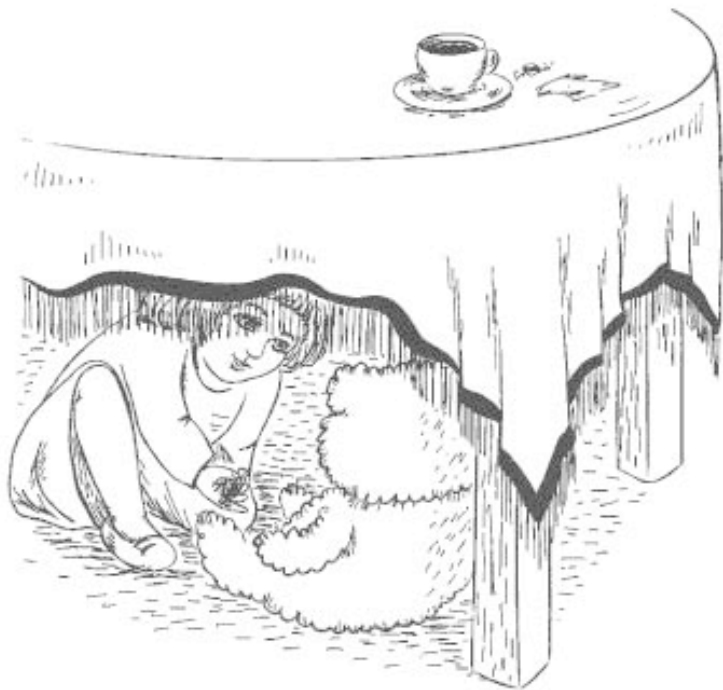

Оказывается, что практически всем детям свойственно фантазировать по поводу своего дома и почти у каждого ребенка есть любимые «объекты медитации», сосредоточиваясь на которых он погружается в свои грезы. Ложась спать,

кто-то разглядывает пятно на потолке, похожее на голову бородатого дядьки, кто-то – узор на обоях, напоминающий смешных зверюшек, и что-то придумывает о них. Одна девочка рассказывала, что над ее кроватью висела шкура оленя, и каждый вечер, лежа в постели, она гладила своего оленя и сочиняла очередную историю о его приключениях.

Внутри комнаты, квартиры или дома ребенок выделяет для себя любимые места, где он играет, мечтает, куда уединяется. Если плохое настроение – можно спрятаться под вешалку с целой кучей пальто, укрыться там от всего мира и посидеть, как в домике. Или залезть под стол с длинной скатертью и прижаться спиной к теплой батарее.

Можно посмотреть для интереса в маленькое окошечко из коридора старинной квартиры, выходящее на черную лест-

ницу, – что там видно? – и вообразить, а что можно было бы там увидеть, если бы вдруг...

Есть в квартире и пугающие места, которых ребенок старается избегать. Вот, например, маленькая коричневая дверца в нише стены на кухне, взрослые ставят туда, в прохладное место, продукты, но для пятилетнего ребенка это может быть самое страшное место: за дверцей зияет чернота, кажется, что там провал в какой-то другой мир, откуда может прийти что-то ужасное. По собственному почину ребенок не подойдет к такой дверце и ни за что не откроет.

Одна из самых больших проблем детского фантазирования связана с незрелостью самоосознания у ребенка. Из-за этого он часто не может различить, что является реальностью, а что – его собственными переживаниями и фантазиями, окутавшими этот предмет, склеившимися с ним. Вообще такая проблема есть и у взрослых людей. Но у детей такая слитость реального и фантазийного может быть очень сильной и доставляет ребенку много трудностей.

Дома ребенок может одновременно сосуществовать в двух разных реальностях – в привычном мире окружающих предметов, где распоряжаются и оберегают ребенка взрослые, и в воображаемом собственном мире, наложенном поверх обыденности. Он тоже реален для ребенка, но невидим для других людей. Соответственно, для взрослых он недоступен. Хотя одни и те же предметы могут быть в обоих мирах сразу, имея, однако, там разные сущности. Вот вроде бы

просто черное пальто висит, а посмотришь – как будто кто-то страшный.

В *Этом* мире ребенка защитят взрослые, в *Том* – они помочь не могут, так как туда не вхожи. Поэтому если в *Том* мире становится страшно, надо быстрее бежать в *Этом*, да еще и громко кричать: «Мама!». Иногда ребенок сам не знает, в какой момент переменятся декорации и он попадет в воображаемое пространство другого мира – это бывает неожиданно и мгновенно. Конечно, чаще так случается, когда взрослых нет поблизости, когда они не удерживают ребенка в обыденной реальности своим присутствием, разговором.

Для большинства детей отсутствие родителей дома – трудный момент. Они чувствуют себя оставленными, незащищенными, а привычные комнаты и вещи без взрослых как бы начинают жить своей особой жизнью, становятся другими. Так бывает ночью, в темноте, когда приоткрываются темные, потаенные стороны жизни занавесок и шкафов, одежды на вешалке и странных, неопознаваемых предметов, которых ребенок раньше не замечал.

Если мама ушла в магазин, то некоторым детям даже днем страшно пошевелиться в кресле, пока она не придет. Другие дети особенно боятся портретов и плакатов с изображениями людей. Одна девочка одиннадцати лет рассказывала подругам, как она боится плаката с Майклом Джексонем, висящего на внутренней стороне двери ее комнаты. Если мама уходила из дома, а девочка не успевала выйти из этой ком-

наты, то ей оставалось только сидеть, сжавшись, на диване до прихода матери. Девочке казалось, что Майкл Джексон сейчас сойдет с плаката и ее задушит. Подруги сочувственно кивали – ее тревога была понятна и близка. Девочка не сме- ла снять плакат или открыться в своих страхах родителям – это они его повесили. Майкл Джексон им очень нравился, а девочка – «большая и не должна бояться».

Ребенок чувствует себя беззащитным, если его, как ему кажется, недостаточно любят, часто порицают и отвергают, оставляют надолго в одиночестве, со случайными или неприятными людьми, бросают одного в квартире, где есть чем-то опасные соседи.

Даже взрослый человек с неизжитыми детскими страхами подобного рода иногда больше боится быть один у себя дома, чем идти в одиночестве по темной улице.

Всякое ослабление родительского защитного поля, которое должно надежно окутывать ребенка, вызывает в нем тревогу и ощущение того, что надвигающаяся опасность легко прорвет тонкую оболочку физического дома и достигнет его. Получается, что для ребенка присутствие любящих родителей кажется более прочным укрытием, чем все двери с замками.

Поскольку тема защищенности дома и страшные фантазии актуальны практически для всех детей определенного возраста, они находят свое отражение в детском фольклоре, в традиционных страшных историях, изустно передающихся

от поколения к поколению детей.

В одном из самых распространенных по всей территории России сюжетов рассказывается о том, как некая семья с детьми живет в комнате, где на потолке, стене или на полу есть подозрительное пятно – красное, черное или желтое. Иногда его обнаруживают при переезде на новую квартиру, иногда кто-то из членов семьи его случайно поставит, – например, мама-учительница капнула на пол красными чернилами. Обычно герои страшилки пытаются оттереть или отмыть это пятно, но у них ничего не получается. Ночью, когда все члены семьи засыпают, пятно обнаруживает свою зловещую сущность. В полночь оно начинает медленно расти, становясь большим, как люк. Потом пятно открывается, оттуда высовывается огромная красная, черная или желтая (в соответствии с цветом пятна) рука...

Правда, эти ужасы происходят в страшилках только в том случае, если родители ушли – в кино, в гости, работать в ночную смену или заснули, что равно лишает их детей защиты и открывает доступ злу.

...Для детского сознания существуют и другие места потенциальных прорывов довольно тонкой защитной оболочки дома в пространство другого мира. Как показали наши опросы, чаще всего дети боятся дома стенных шкафов, кладовок, каминов, антреселей, различных дверок в стенах, необычных маленьких окон, картин, пятен и трещин. Устрашают детей и дырки унитаза, а еще больше – дощатые «очки» дере-

венских уборных.

Итак, для индивидуальных детских страшных фантазий характерен мотив уноса или выпадения ребенка из мира Дома в Иное Пространство через некий магический проем. Этот мотив разнообразно отражен в продуктах коллективного творчества детей – текстах детского фольклора. Но он также широко встречается и в литературе для детей. Например, как сюжет об уходе ребенка внутрь картины, висящей на стене его комнаты (аналог – внутрь зеркала; вспомним Алису в Зазеркалье). Как известно, у кого что болит, тот о том и говорит. Добавим к этому – и с интересом про это слушает.

Страх провала в другой мир, который метафорически представлен в этих художественных текстах, имеет под собой реальные основания в психологии детей. Мы помним, что это – раннедетская проблема слитости двух миров в восприятии ребенка: мира видимого и спроецированного на него как на экран мира психических событий. Возрастная причина этой проблемы (не рассматриваем патологию) – недостаток психической саморегуляции, несформированность механизмов самоосознания, остранения, по-старинному – трезвения, позволяющих отличить одно от другого и совладать с ситуацией. Поэтому здоровым и несколько приземленным существом, возвращающим ребенка к реальности, обычно является взрослый.

В этом смысле, как литературный пример, для нас будет интересна глава «Тяжелый день» из знаменитой книги ан-

гличанки П. Л. Трэверс «Мэри Поппинс».

В тот нехороший день у Джейн – маленькой героини книги – не ладилось абсолютно все. Она так расплевалась со всеми домашними, что родной брат, тоже ставший ее жертвой, посоветовал Джейн уйти из дома, чтобы ее кто-нибудь усыновил. За грехи Джейн была оставлена дома одна. А так как она пылала негодованием против своих домашних, ее легко соблазнили войти в их компанию три мальчика, нарисованные на старинном блюде, висевшем на стене комнаты. Отметим, что уходу Джейн на зеленую лужайку к мальчикам способствовали два важных момента: нежелание Джейн быть в домашнем мире и трещина на середине блюда, образовавшаяся от случайного удара, нанесенного девочкой. То есть треснул ее домашний мир и треснул мир блюда, в результате чего образовалась щель, через которую Джейн попала в другое пространство. Мальчики зазвали Джейн уйти с лужайки через лес в старинный замок, где жил их прадедушка. И чем дальше, тем страшнее ей становилось. Наконец до нее дошло, что ее заманили, обратно не отпустят, да еще и возвращаться некуда, так как там было другое, старинное время. По отношению к нему в мире реальном ее родители еще не родились, а ее Дом Номер Семнадцать в Вишневом переулке еще не был построен.

Джейн закричала что было мочи: «Мэри Поппинс! Помогите! Мэри Поппинс!» И, несмотря на сопротивление жителей блюда, сильные руки, к счастью, оказавшиеся руками

Мэри Поппинс, вытащили ее оттуда.

– Ой, это вы! – пролепетала Джейн. – А я думала, вы меня не слышали! Я думала, мне придется там навсегда остаться! Я думала...

– Некоторые люди, – сказала Мэри Поппинс, мягко опуская ее на пол, – думают слишком много. Несомненно. Вытри лицо, пожалуйста.

Она подала Джейн свой носовой платок и начала накрывать к ужину».

Итак, Мэри Поппинс выполнила свою функцию взрослого, вернула девочку в реальность. И вот Джейн уже наслаждается уютом, теплом и покоем, которым веет от знакомых домашних вещей. Пережитый ужас уходит далеко-далеко.

Но книга Трэверс никогда бы не стала любимой многими поколениями детей всего мира, если бы дело кончилось так прозаически. Рассказывая брату вечером историю своего приключения, Джейн опять посмотрела на блюдо и обнаружила там зримые следы того, что и она, и Мэри Поппинс действительно побывали в том мире. На зеленой лужайке блюда остался лежать оброненный Мэри шарф с ее инициалами, а коленка одного из нарисованных мальчиков так и осталась перевязанной носовым платком Джейн. То есть все-таки правда, что сосуществуют два мира – *Тот* и *Этот*. Надо только уметь оттуда возвращаться обратно. Пока детям – героям книги – помогает в этом Мэри Поппинс. Тем более что вместе с ней они часто бывают в очень странных ситуа-

циях, от которых довольно трудно прийти в себя. Но Мэри Поппинс строга и дисциплинированна. Она умеет в один миг показать ребенку, *где* он находится.

Так как читателю в книге П. Л. Трэверс многократно сообщается о том, что Мэри Поппинс была лучшей в Англии воспитательницей, мы тоже можем воспользоваться ее педагогическим опытом.

Под пребыванием в *Том* мире в контексте книги Трэверс понимается не только мир фантазий, но и излишняя погруженность ребенка в собственные психические состояния, из которых он не может выйти сам, — в эмоции, воспоминания и т. п. Что же нужно сделать, чтобы вернуть ребенка из *Того* мира в ситуацию мира *Этого*?

Излюбленный прием Мэри Поппинс состоял в том, чтобы резко переключить внимание ребенка и зафиксировать его на каком-нибудь конкретном предмете окружающей реальности, заставив что-то быстро и ответственно делать. Чаще всего Мэри обращает внимание ребенка на его собственное телесное «Я». Так она пытается вернуть в тело витающую неизвестно где душу воспитанника: «Причешись, пожалуйста!»; «У тебя опять развязались шнурки!»; «Иди умойся!»; «Посмотри, как лежит твой воротничок!».

Этот грубоватый прием напоминает резкий шлепок массажиста, которым в конце массажа он возвращает к действительности впавшего в транс, размякшего клиента.

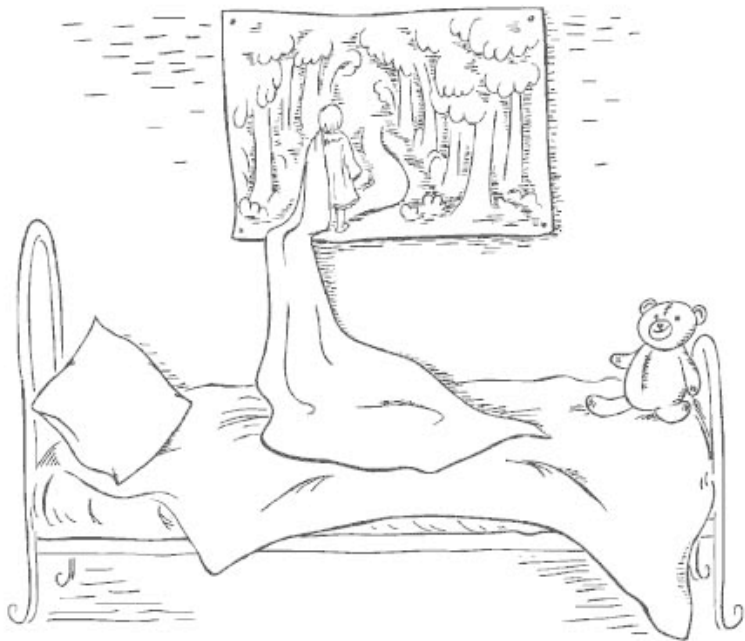
Хорошо бы, если бы все было так просто! Если бы мож-

но было вот так одним шлепком или ловким приемом переключения внимания заставить зачарованную душу ребенка не «улетать» неведомо куда, научить его жить реальностью, прилично выглядеть и делать дело. Даже Мэри Поппинс это удавалось на короткий срок. Да и сама она отличалась способностью вовлекать детей в неожиданные и фантастические приключения, которые умела создавать в повседневной жизни. Поэтому с ней было всегда так интересно детям.

Чем сложнее внутренняя жизнь ребенка, чем выше его интеллект, тем многочисленнее и шире миры, которые он открывает для себя как в окружающей среде, так и в своей душе.

Постоянные, любимые детские фантазии, особенно связанные со значимыми для ребенка предметами домашнего мира, могут определить потом всю его жизнь. Повзрослев, такой человек считает, что они были посланы ему в детстве самой судьбой.

Одно из наиболее тонких психологических описаний этой темы, данной в переживании русского мальчика, мы найдем в романе В. В. Набокова «Подвиг».

«Над маленькой узкой кроватью... висела на светлой стене акварельная картина: густой лес и уходящая вглубь витая тропинка. Меж тем в одной из английских книжонок, которые мать читывала с ним... был рассказ именно о такой картине с тропинкой в лесу прямо над кроватью мальчика, который однажды, как был, в ночной рубашке, перебрался из постели в картину, на тропинку, уходящую в лес. Мартына волновала мысль, что мать может заметить сходство между акварелью на стене и картинкой в книжке: по его расче-

ту, она, испугавшись, предотвратила бы ночное путешествие тем, что картину бы убрала, и потому всякий раз, когда он в постели молился перед сном... Мартын молился о том, чтобы она не заметила соблазнительной тропинки как раз над ним. Вспоминая в юности то время, он спрашивал себя, не случилось ли и впрямь так, что с изголовья кровати он однажды прыгнул в картину, и не было ли это началом того счастливого и мучительного путешествия, которым обернулась вся его жизнь. Он как будто помнил холодок земли, зеленые сумерки леса, излучи тропинки, пересеченной там и сям горбатым корнем, мелькание стволов, мимо которых он босиком бежал, и странный темный воздух, полный сказочных возможностей».

Нет сомнений, что многое из рассказанного здесь знакомо почти каждому. Но хочется обратить внимание на некоторые акценты, проставленные М. Осориной. Ценность ее описаний в том, что в них подчеркивается особенная, уникальная функция фантазий ребенка, которые взрослые не замечают, либо в лучшем случае называют просто «игрой». На самом деле воображение ребенка совершает огромную и сложную работу по освоению мира, осознанию себя, овладению своими эмоциями, пониманию других. Это настоящий *душевный труд*, который неизбежно проделывают дети, входя в нормальную жизнь, это и настоящее душевное творчество, которым особенно наделены дети. Фактически, внутренняя работа воображения

происходит в течение всей жизни человека, но у взрослых она «забывается» реальными событиями и заботами. У детей же она имеет большой «удельный вес» и проявляется в своеобразных, не всегда понятных нам формах. Это и «оживленные» любимые игрушки, и воображаемые события, где сам ребенок – герой, и двойная жизнь вещей – настоящая и таинственная, и страшные персонажи. Своеобразие этих образов определяется многими особенностями детской психики – недостатком опыта, незрелостью формального интеллекта, повышенной эмоциональностью. Через фантазию ребенок развивается умственно, эмоционально, социально. Он, по словам М. Осориной, открывает новые миры «как в окружающей среде, так и в своей душе», а также получает впечатления, которые порой определяют направление всей его дальнейшей жизни. Все это мы увидим в приводимых далее текстах этой и других глав.

Павел Флоренский

Впечатления таинственного³

Павел Александрович Флоренский (1882–1937) – русский религиозный философ, ученый, священник. Окончил физико-математический факультет Московского университета (1904) и Московскую Духовную академию (1908), был доцентом и профессором академии по кафедре истории философии. Свою жизненную задачу Павел Флоренский понимал как проложение путей к будущему цельному мировоззрению, синтезирующему веру и разум, интуицию и дискуссию, богословие и философию, искусство и науку.

Отрывки взяты из книги воспоминаний П. Флоренского, которую он посвятил своим детям. В них речь идет о его ранних детских годах. Можно видеть, какой тонкой и впечатлительной натурой обладал мальчик и как это выражалось в его восприятии мира, образах и фантазиях.

³ Флоренский П. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 2004.

...Понятное дело, я не открывался взрослым. И не только потому, что свои глубочайшие восприятия дети никогда не открывают взрослым, но и еще более потому, что мои восприятия казались мне столь естественными, *общими* всем, обычными, что о них не стоило говорить; да и как найти, не говоря уж о том, — как было найти слова для выражения чувств и мыслей, охватывавших все поле внутренней жизни, а потому, при всей своей острой специфичности в силе, расплывчатых, неуловимых, невыразимых? В детстве же чувство *таинственности* было у меня господственным, это был фон моей внутренней жизни, на котором обрисовывалась нежность и ласка к родителям. Все окружающее, то, что обычно не кажется и не признается таинственным, очень многие привычные и повседневные предметы и явления имели какую-то глубину теней, словно по четвертому измерению, и выступали в рембрандтовских вещих тенях.

«Чудовище»

Мы жили в двух квартирах. В одной помещалась столовая, гостиная и еще какие-то спальни. В другой жил я с тетей Юлей — в другой, т. е. во флигеле. Сообщение между двумя помещениями было через двор, вымощенный камнями, сквозь которые прорастала трава. Обычно я ходил в сопровождении кого-нибудь из старших, а может быть, кое-когда решался пробежать и один. Но как-то раз, сидя в столо-

вой, — это было днем, я соскучился по тете Юле или по маме, может быть, почему-то не приходившей из флигеля ко всем, — и побежал к ней или за ней. Как сейчас помню все, что было. Я отворил дверь и сразу, спустившись на 2–3 ступеньки, очутился под слегка темным навесом, образуемым около дома. Помню, что навес этот держался на деревянных некрашенных столбах с ободранной корою, посеревших от дождя... Вероятно, дело было к вечеру, или погода была бессолнечная, но у меня осталось впечатление сумеречное. И вот на каменной мостовой двора, проросшей травой, быть может, осенней уже, — я вижу эту мостовую, как сейчас, — увидел я нечто. Скорее, сперва я услышал — какой-то неслыханный мною своеобразный звук. Его я уже испугался. Но любопытство и смелость победили. Я решил было прошмыгнуть мимо и добраться до своей цели. Но... побежав далее с почти зажмуренными глазами, я вдруг остолбенел. Предомною стоял невиданный снаряд. Что-то в нем быстро вертелось, визжало, скрипело, и от колеса сыпались яркие искры. И, самое страшное, какой-то человек, мне он показался темным силуэтом на небе, вероятно, вечеряющем, — какой-то человек стоял при этом снаряде невозмутимо, бесстрастно и бесстрашно и что-то держал в руках...

Я стоял как очарованный взглядом чудовища.

Предо мною разверзались ужасные таинства природы. Я подглядел то, что смертному нельзя было видеть. Колеса Иезекииля? Огненные вихри Анаксимандра? Вечное вращение, ноуменальный огонь... Я остолбенел и пораженный ужасом, и захваченный дерзновенным любопытством, зная, что не должно мне видеть и слышать видимого и слышимого. Но мне открывалась живая действенность таинственных сил естества, бемовская первооснова, гетевские матери. И тот,

кто стоял при таинственном искрометном снаряде, тот темный силуэт – это не был, конечно, человек, это не было одно из существ земли, это был дух земли, великое существо, несоизмеримое со мною. Оно меня не заметило, вероятно... Не знаю, сколько времени длилось это откровение и столбняк. Секунду ли, несколько ли секунд; но, конечно, очень недолго. И только прошел упоительный и страшный миг *слияния* с этим огненным первоявлением природы, только явилось сознание себя, как панический ужас охватил меня. И вот характерная подробность: никогда мне не изменявшее самообладание в минуту последнего ужаса появилось у меня и тогда, и это первое из памятуемых мною таинственных потрясений души. Я не растерялся. Почти прыжком очутился я снова в столовой, откуда выбежал, и тут только, как это бывало и впоследствии в таких случаях, уже в надежной пристани, на коленях у кого-то из старших, я дал волю овладевшему мной ужасу. Со мною сделалось что-то вроде нервного припадка. Поили сахарной водой, успокаивали. «Ведь это точильщик точит ножи, Павлик, – твердили старшие. – Пойдем, посмотрим». Но я, разумеется, никого не слушал, но и не спорил со старшими. Я тогда уже понимал, что они не постигнут *таинства*, которое открылось мне и ужаснуло меня. Мне предлагали проводить меня через двор. Но и на это не сдавался я. И трудно сказать, только ли от страха пред потоком ноуменальных искр или и от другой боязни – не пережить вновь пережитого, увидеть то, о чем говорили мне

взрослые, — что-то обыкновенное и в самом деле не внушающее ужаса... И долго после того боялся я один проходить по двору.

Это чувство откровения тайн природы и ужаса, с ним связанного, тютчевской Бездны и влечения к ней было и есть, как мне думается, одна из наиболее внутренних складок моей душевной жизни.

Вглядываясь в себя еще пристальнее, я нахожу еще нечто, чему я научился от этого нашего обитания в двух квартирах, сообщающихся двором. Это именно твердое, органическое убеждение в *мистическом* «есть» при противоречии ему эмпирического кажется.

Искра

Искра. Нечто, кажущееся обыкновенным и простым, самым заурядным по своей частоте, нередко привлекало в силу каких-либо особых обстоятельств мое внимание. И вдруг тогда открывалось, что оно — не просто. Воистину что-то вдруг припоминалось в этом простом и обычном явлении, и им открывалось иное, ноуменальное, стоящее выше этого мира или, точнее, глубже его. Полагаю, это — то самое чувство и восприятие, при котором возникает фетиш: обычный камень, черепица, обрубок открывают себя как вовсе не обычные и делаются окнами в иной мир. Со мною в детстве так бывало не раз. Но в то время как иные явления всегда ма-

нили к себе мою душу, никогда не давая ей насытиться, другие, напротив, открывали таинственную глубину свою лишь урывками, даже единично, раз только. Одним из таких восприятий были искры.

Мы тогда жили в Батуме, в доме Айвазова. Было же мне около четырех-пяти лет. Возбуждаясь к вечеру, я долго-долго не соглашался ложиться спать; а когда ложился, то все равно часами лежал, не засыпая, ворочаясь с боку на бок и в миллионный раз изучая рисунок обоев или одеяла. Это были часы почти что пытки, когда я вылеживал в постели без сна. И потому я очень не любил укладываться спать рано, несмотря на уговоры. Однажды я с тетей Юлей сидели в спальней комнате, что выходила на двор. Сначала тетя занимала меня, читала, рассказывала, а потом стала посылать спать. Но я чем-то особенно заупрямился и не шел. Тетя говорила, что надо идти. На дворе было темно. Тетя говорила, что если я не пойду, то сон может улететь спать и тогда я уже не засну; не знаю, говорила ли она, ипостасируя сон, или я только – так ее понял. Но посмотрел в темное окно – дело было осенью – и вижу: летят искры; вероятно, развели таган или печурку на дворе, с углями. И одна последняя, особенно яркая, летит как-то одиноко поодаль, отсталая. Я – к тете: «Смотри, что это?». А она: «Это улетает твой сон. Вот теперь ты не сумеешь заснуть». Я видел искры, как я, конечно, видывал не раз до того. Но я почувствовал, что тетя глубоко права, что это действительно летит мой сон, имеющий неви-

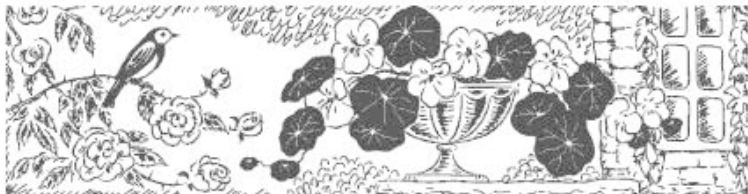
димую, но бесспорную форму ангелка, – и что, улетаая, он делает что-то непоправимое. Я разрыдался. Почувствовал, что что-то свершилось. Поспешил лечь, но долго-долго не смыкались веки.

Прошли с тех пор годы. Как-то недавно (1919) служил я всенощную в церкви Красного Креста. Химические угли у нас кончились, приходится разжигать кадило простыми, из плиты, и при каждении они иногда искрятся. Вот искра от кадила полетела, как-то одиноко, в темном пространстве алтаря. И мне сразу вспомнилось, как такую же искрою «улетел сон мой» в детстве. А та, детская, искра в свой черед будила воспоминание об огненном потоке искр из-под колеса точильщика, открывшем мне иной мир, полный таинственной жути и влекущий и волнующий ум. Искры перекликаются с искрами и подают весть друг о друге. Сквозь всю жизнь мою пронизывается невидимая нить искр, огненная струя золотого дождя, осеменяющая ум...

Агата Кристи

Волнующий мир детства⁴

Агата Кристи (1890–1976) – английская писательница, автор более 70 детективных романов, переведенных на 103 языка. Ей по праву принадлежит имя «королевы детектива».

В своей «Автобиографии» А. Кристи рассказывает о счастливых годах детства, которые она провела в родном доме в городе Торквее английского графства Девон. Можно видеть, что весь уклад, распорядок, нравы и обычаи в ее доме, и даже характеры некоторых его обитателей, отражают особенности Викторианской эпохи. Для современного читателя это – далекое культурное прошлое. В то же время детские переживания и игры маленькой Агаты выглядят вполне живыми и современными. Во истину, законы детства вечны!

⁴ Кристи А. Автобиография. М., Эксмо, 2007. Пер. В. Чемберджи.

Мои мама и папа: «Не отпускайте своего ребенка!»

Самое большое счастье, которое может выпасть в жизни, — это счастливое детство. У меня было очень счастливое детство. Милые моему сердцу дом и сад; мудрая и терпеливая Няня; мама и папа, горячо любившие друг друга, сумевшие стать счастливыми супругами и родителями.

Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что в нашем доме, в самом деле, царило благоденствие, и главной его причиной была необыкновенная доброта моего отца.

Только позднее я поняла, как любили его окружающие. Между тем он не обладал ни какими-то особыми достоинствами, ни редкостным умом. У него было простое и любящее сердце, и он действительно любил людей. Выделяло его отменное чувство юмора, он легко мог рассмешить кого угодно. В нем не было ни мелочности, ни ревности, он отличался фантастической щедростью, вплоть до расточительности. Счастливый и безмятежный.

Совсем другой была мама. Натура загадочная, притягательная, более сильная личность, чем папа, на удивление оригинально мыслящая и в то же время робкая и неуверенная в себе, в глубине души, как мне кажется, склонная к меланхолии.

Мама была лет на десять младше папы и страстно полю-

била его еще десятилетней девочкой. Пока молодой беспечный повеса курсировал между Нью-Йорком и югом Франции, мама, робкая, тихая девочка, сидела дома, погруженная в мечты о нем, писала в дневнике стихи и вышивала ему кошелек. Этот кошелек отец хранил всю жизнь.

Мама, урожденная Клара Бомер, в детстве была очень несчастлива. Ее отца, служившего в шотландском полку в Аргайле, сбросила лошадь, он разбился насмерть; моя Бабушка, юная и красивая, осталась вдовой с четырьмя детьми на руках и, кроме скудной вдовьей пенсии, без всяких средств к существованию. Ее старшая сестра, только что вышедшая замуж за богатого американского вдовца, написала Клариной матери письмо, в котором предложила взять кого-нибудь из детей на воспитание и обещала обращаться с ребенком как с родным.

Молодая вдова, не выпускавшая из пальцев иголки, чтобы как-то прокормить и воспитать четырех детей, приняла предложение. Из трех мальчиков и девочки она выбрала девочку; то ли оттого, что ей казалось, будто мальчишки легче найдут дорогу в жизни, в то время как девочка нуждается в поддержке, то ли, как всегда говорила мама, потому, что она больше любила мальчиков.

Мама покинула Джерси и поселилась в незнакомом доме на севере Англии. Думаю, нанесенная ей обида, горькое чувство отринутости наложили отпечаток на всю ее жизнь. Она потеряла уверенность в себе и стала сомневаться в чувствах

окружающих. Тетя, щедрая, веселая, не имела, однако, ни малейшего представления о детской психологии. Мама получила все: богатство, комфорт, уют, заботу. Но безвозвратно потеряла беспечную жизнь с братьями в своем доме.

В газетных столбцах, отведенных для писем обеспокоенных родителей, я часто наталкиваюсь на просьбы: «Хотела бы передать на воспитание в богатую семью ребенка, чтобы он получил блага, которых я не могу ему обеспечить, — прежде всего, первоклассное воспитание и образование».

Мне всегда хочется закричать: *«Не отпускайте своего ребенка!»* Дом, семья, любовь и надежность домашнего очага — разве самое лучшее образование в мире может заменить это или сравниться с этим?

Моя мать была глубоко несчастна в новом доме. Каждый вечер она засыпала в слезах, бледнела, худела. Наконец она заболела, и тете пришлось вызвать врача. Пожилой опытный доктор немножко поговорил с девочкой, потом вернулся к тете и сказал:

— Девочка тоскует по дому.

Тетя страшно удивилась и не поверила.

— О нет, — возразила она, — этого не может быть. Клара — хорошая, спокойная девочка. Она нисколько не скучает и совершенно счастлива.

Но старый доктор снова пошел к девочке и еще раз поговорил с ней. Не правда ли, у нее есть братья? Сколько? Как их зовут? В ответ девочка разрыдалась, и сомнения рассея-

лись.

Когда все вскрылось, наступило облегчение, *но ощущение отверженности осталось навсегда*. Думаю, мама сохранила горечь обиды на Бабушку до конца жизни. Она очень сильно привязалась к своему американскому «дяде». Уже тяжело больной, он полюбил тихую маленькую Клару и часто читал девочке вслух ее любимую книгу «Король золотой реки». Однако настоящим утешением в ее жизни были периодические визиты пасынка тети – Фреда Миллера, так называемого кузена Фреда. Фреду было около двадцати лет, и он всегда проявлял большую нежность к своей маленькой кузине. Однажды – Кларе было одиннадцать лет – Фред сказал мачехе: – Какие у Клары красивые глаза!

Клара, твердо считавшая себя уродиной, побежала в тетиную комнату, чтобы посмотреть в большое зеркало, перед которым одевалась и причесывалась тетя. Может быть, у нее и вправду красивые глаза... Клара ощутила невероятный восторг. С того момента ее сердце безвозвратно принадлежало Фреду.

В Америке старинный друг семьи как-то сказал юному бонвивану:

– Фредди, когда-нибудь ты женишься на своей маленькой кузине.

Пораженный Фред ответил:

– Она ведь совсем крошка!

Но он всегда питал особое чувство к обожавшей его девочке, хранил детские письма и стихи, которые она ему писала. После длинного ряда любовных приключений с нью-

йоркскими красотками и представительницами высшего света (среди них – Дженни Джером, будущая леди Рэндолф Черчилль) он вернулся в родную Англию и попросил тихую маленькую кузину стать его женой.

Характерно для мамы, что она решительно отказала ему.

– Но почему же? – спросила я ее однажды.

– Потому что я была скучная, – ответила она.

Причина довольно-таки необычная, но для мамы совершенно достаточная.

Отец не стал спорить. Он повторил предложение, и на сей раз мама, преодолев свои опасения, согласилась выйти замуж за него, хотя с большими сомнениями, и страх разочаровать мужа по-прежнему терзал ее.

Так они поженились. У меня есть портрет мамы в свадебном платье: красивое серьезное лицо, темные волосы и большие глаза цвета ореха.

Сад!

Прекрасный, надежный и вместе с тем такой волнующий мир детства! Меня, наверное, больше всего увлекал сад. С каждым годом он значил для меня все больше и больше. Я знала в нем каждое дерево и каждому приписывала особую роль. С незапамятных времен он делился для меня на три части.

Во-первых, огород, обнесенный высокой стеной, примы-

кающей к дороге. Совершенно неинтересно, если не считать клубники и зеленых яблок, которые я поглощала в огромных количествах. Кухня – все ясно. Никакого волшебства.

Потом шел собственно сад – вытянутая в длину лужайка, сбегающая по склону холма, усеянная разными интересными «существами». Каменный дуб, кедр, секвойя (такая высокая, что голова кружилась). Две пихты, по неясной для меня теперь причине олицетворявшие моих брата и сестру. Я осторожно проскальзывала на третью ветку дерева Монти. Если же тихонько пробраться в глубь кроны дерева Мэдж, можно было сесть на гостеприимно изогнувшуюся ветку и оттуда никем не замеченной наблюдать за жизнью внешнего мира. И еще там было дерево – я называла его скипидарным – с густой и сильно пахнущей смолой, которую я тщательно накапливала: это был «драгоценный бальзам». И возвышался бук – самое высокое дерево в саду, щедро раскидывавший кругом орешки, которые я с наслаждением поедала. Медный бук, который тоже рос в нашем саду, я почему-то не причисляла к своим деревьям.

И наконец, лес. В моем воображении он выглядел, да и сейчас смутно вырисовывается как самый настоящий Нью-

Форест. Лиственный, скорее всего, ясеневый лес, с вьющейся между деревьями тропинкой. Все, связанное с представлением о лесе, жило здесь. Тайна, опасность, запретное удовольствие, неприступность, неведомые дали... Лесная тропа выводила к крокетной площадке или теннисному корту на вершине откоса против окна гостиной. Тотчас волшебство кончалось. Вы снова оказывались в мире повседневности, где дамы, придерживая подол юбки, катили крокетные шары или в соломенных шляпках играли в теннис.

Мои Котята и другие...

Досыта насладившись игрой в сад, я возвращалась в детскую, где царила Няня – раз и навсегда, непреложно и неизменно. Может быть, оттого, что она была уже совсем немолода и страдала ревматизмом, я всегда играла рядом с Няней, но никогда – с ней самой. Больше всего я любила превращаться в кого-нибудь. Сколько себя помню, в моем воображении существовал целый набор разных придуманных мною друзей. Первая компания, о которой я ничего не помню, кроме названия, – это Котята. Кто были Котята, не знаю, – не знаю также, была ли я одним из них, – помню только их имена: Кlover, Блэки и еще трое. Их маму звали миссис Бенсон.

Няня была достаточно мудрой, чтобы не говорить со мной о них и не пытаться принять участие в беседе, тихо журчавшей у ее ног. Может быть, ее вполне устраивало, что я так

легко нахожу себе развлечения.

Поэтому для меня было страшным ударом, когда однажды, поднимаясь по лестнице, я услышала, как наша горничная Сюзен говорит:

– По-моему, ее совершенно не интересуют игрушки. Во что она играет?

И прозвучавший в ответ голос Няни:

– О, она играет, будто она котенок с другими котятами.

Почему в детской душе существует такая настоящая потребность в секрете? Сознание, что кто-то – даже Няня – знает о Котятах, потрясло меня до основания. С этого дня я никогда больше не бормотала вслух во время игры. Это мои Котятa, и никто не должен знать о них.

Разумеется, у меня были игрушки. Как младшей, мне всячески потакали и, наверное, покупали все на свете. Но я не помню ни одной, кроме, и то смутно, коробки с разноцветным бисером, который я нанизывала на нитки и делала бусы.

Из кукол помню Фебу, на которую я не слишком обращала внимание, и Розалинду, Розу. У нее были длинные золотые волосы, и я восхищалась ею невероятно, но долго играть с ней не могла, предпочитая Котят. Миссис Бенсон была ужасно бедной и печальной, — семья еле сводила концы с концами. Их отец, настоящий морской капитан Бенсон, погиб в море, поэтому они и оказались в такой нужде. Этим сюжетом сага о Котятах более или менее исчерпывалась, если не считать, что у меня в голове смутно вырисовывался другой, счастливый конец: оказывалось, что капитан Бенсон уцелел, он возвращался, притом с солидным состоянием, как раз в

тот момент, когда ситуация в доме Котят становилась уже совершенно отчаянной.

От Котят я перешла к миссис Грин. У миссис Грин было сто детей, но самыми главными всегда оставались Пудель, Белка и Дерево. Именно с ними я совершала все свои подвиги в саду. Они не олицетворяли собой точно ни детей, ни собак, а нечто неопределенно среднее между ними.

Канарейка и собака

Еще одно крупное событие произошло в моей жизни, когда мне подарили канарейку. Голди очень быстро стал ручным, летал и прыгал по детской, иногда садился даже Няне на шляпу, а когда я звала его, – мне на палец. Это была не просто моя птичка, но начало новой секретной саги. Главными персонажами были Дики и Диксмистресс. Они вместе носились верхом на конях по всей стране (сад), пускались в опасные приключения и в самый последний момент ускользали из рук грозной разбойничьей шайки.

Однажды произошло страшное несчастье: Голди исчез. Окно было открыто, и дверца его клетки отперта. Скорее всего он, конечно, просто улетел. До сих пор помню, как нескончаемо долго тянулся тот мучительный день. Он не кончался и не кончался. А я плакала, плакала и плакала. Клетку выставили за окно с кусочком сахара между прутьями. Мы с мамой обошли весь сад и все звали: «Дики! Ди-

ки! Дики!». Мама пригрозила горничной, что уволит ее за то, что та, смеясь, сказала: «Должно быть, его съела кошка», после чего я заревела в три ручья.

И только когда я уже лежала в постели, держа за руку маму и продолжая всхлипывать, где-то наверху послышался тихий веселый щебет. С карниза слетел вниз Мастер Дики. Он облетел всю детскую и потом забрался к себе в клетку. Что за немыслимое счастье! И представьте себе только, что весь этот нескончаемый горестный день Дики просидел на карнизе.

Мама не преминула извлечь из этого происшествия урок для меня.

– Смотри, Агата, – сказала она, – до чего же ты глупенькая. Сколько слез пролила впустую! Никогда не плачь заранее, если не знаешь точно, что случилось.

Я уверила маму, что никогда не буду плакать зря. Но кроме чуда возвращения Дики что-то еще случилось со мной тогда: я ощутила силу маминой любви и ее сочувствие в момент моего горя. Единственным утешением в тот миг полного отчаяния была ее рука, которую я сжимала изо всех сил. В этом прикосновении было что-то магнетическое и успокаивающее. Если кто-то заболел, маме не было равных. Только она могла придать вам силы и жизнестойкость.

В пять лет на день рождения мне подарили собаку – это

было самое оглушительное событие из всех, которые мне довелось пережить до тех пор; настолько невероятное счастье, что я в прямом смысле лишилась дара речи. Встречаясь с расхожим выражением «онеметь от восторга», я понимаю, что это простая констатация факта. Я действительно онемела, – я не могла даже выдать из себя «спасибо», не смела посмотреть на мою прекрасную собаку и отвернулась от нее. Я срочно нуждалась в одиночестве, чтобы осознать это несусветное чудо. (Такая реакция осталась характерной для меня на протяжении всей жизни – и почему надо быть такой глупой?) Кажется, насколько подсказывает память, я убежала в туалет – идеальное место, чтобы прийти в себя, где никто не сможет потревожить мои размышления. Туалеты в те времена были комфортабельными, чуть ли не жилыми помещениями. Я опустила крышку унитаза, сделанную из красного дерева, села на нее, уставилась невидящими глазами на висевшую напротив карту Торки и стала думать об обрушившемся на меня счастье.

– У меня есть собака... собака... Моя собственная собака, моя собственная настоящая собака... Йоркширский терьер... моя собака, моя собственная настоящая собака...

Позднее мама рассказала мне, что папа был очень разочарован моей реакцией на подарок.

– Я думал, – сказал он, – девочка будет довольна. Но, похоже, она даже не обратила внимания на собаку.

Но мама, которая всегда все понимала, сказала, что мне

нужно время.

– Она еще не может уяснить себе все до конца.

Пока я размышляла, четырехмесячный щенок печально побрел в сад и прижался к ногам нашего сварливого садовника по имени Дэйви. Щенка вырастил один из сезонных садовых рабочих. Вид заступа, погруженного в землю, напомнил ему родной дом. Он сел на дорожку и стал внимательно наблюдать за садовником, рыхлившим почву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.